

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ПО КНИГЕ Х.АРЕНДТ "ИСТОКИ ТОТАЛИТАРИЗМА"

В Институте социологии РАН состоялся научный семинар по книге "Истоки тоталитаризма". Ее автор — известный социальный философ и политолог Ханна Арендт (1902-1975), жившая в Германии и эмигрировавшая в США при гитлеровском режиме. В семинаре принимали участие ученые института, которые при содействии фонда "Культурная инициатива" Дж.Сороса готовили перевод этой книги к русскому изданию, а также представители из ВЦИОМа, издательства "Прогресс-Академия" и других московских организаций. Одна из известнейших в мире книг была под запретом в нашей стране. А ныне, когда ее появление в посттоталитарной России было бы столь желательно и теоретически вполне возможно, ее выход в свет до сих пор не удалось осуществить из-за отсутствия средств для оплаты полиграфических расходов.

Содержание книги (ее объем — более 40 а.л.) невозможно изложить в информационном сообщении. Поэтому редакция решила предложить читателю лишь отдельные фрагменты некоторых выступлений, полагая, что это задаст первичный импульс для ознакомления с самой книгой, которая, будем надеяться, скоро появится.

Ю.Н.Давыдов. Я вспоминаю слова Анны Ахматовой: "Широк и желт осенний свет, Нежна осенняя прохлада, Ты опоздал на десять лет, Но все-таки тебе я рада". Можно сказать, что не Ханна Арендт и ее книга, а мы опоздали на сорок лет. Дело в том, что необходимо разобраться в самом термине "тоталитаризм". Сначала о нашей ситуации говорили как о периоде культа личности, потом, с легкой руки Г.Попова, — как об "административно-командной системе", а затем на административно-командную систему наложили импортированный с Запада термин "тоталитаризм", отождествив тем самым оба понятия. Получилось так, что в 1991 году, оказывается, мы едва-едва успели разделаться с тоталитаризмом. А вот с точки зрения Ханны Арендт, которая не только ввела его в научный оборот, но и обосновала как социально-философское и социологическое понятие, тоталитаризм кончился в России со смертью Сталина, точно так же, как в Германии он кончился со смертью Гитлера. Причем это не простое, так сказать, персоналистически заостренное определение, а заявление, под которым лежит очень серьезное отношение к тому, что же считать тоталитаризмом.

Арендт определяет тоталитаризм как систему террора, осуществляемого средствами массовых репрессий, которые создают в стране атмосферу всеобщего страха, парализующего социальную активность населения и открывающую тем самым возможность для любых социальных экспериментов над народом. Но это значит, что тоталитаризм и систематические массовые репрессии органически связаны. Есть систематические массовые репрессии, которые через какое-то время обязательно возобновятся, — есть тоталитаризм, нет таких репрессий — тоталитаризм кончился. Поэтому было просто смешно читать в "Известиях" в 1991 году, что, дескать, в августе за три дня "страна покончила с тоталитаризмом". Страна покончила с ним за три дня и еще 33 года.

Строгое теоретическое понятие дает возможность заключить соответствующее явление в определенные хронологические рамки, не занимаясь пустопорожними спорами на тему о том, живем мы при тоталитаризме или нет. Более того, хронологические рамки, которые дает Арендт, позволяют оценить очень многое, что осознавалось целым рядом наших благородных людей как борьба с тоталитаризмом, но таковой уже не была.

Но коль скоро мы понимаем, что это за явление, возникает второй вопрос — об условиях, при которых оно возможно. Арендт не случайно исследует целый комплекс явлений, ^целую систему, или, если прибегнуть к термину Макса Вебера, констелляцию явлений, составивших тоталитаризм. На примере германского и российского

тоталитаризмов, которые, казалось бы, шли от разных традиций, она показывает, что не традиции здесь были важны, а конstellляция целого ряда факторов, причем именно в XX веке, конstellляция, которой не было ни в XIX, ни в XVII столетиях, не говоря о более поздних временах. Таким образом, нам предоставляется возможность дистанцироваться от другого предрассудка, когда специфические современные явления пытаются редуцировать к похожим ситуациям и событиям прошлого. С этим, как и с насильственным продлением жизни идеологии тоталитаризма, мы сплошь и рядом встречаемся в нашей публицистике, где любят проводить аналогии между тоталитаризмом и Иваном Грозным, Бисмарком и т.д.

Для определения объединяющей основы всех элементов тоталитаризма Арендт вводит понятие, которое уже было на слуху, и которое она восприняла от своих учителей, прежде всего от Хайдеггера и в меньшей степени от Карла Яспера — понятие "массовое общество". Именно массовое общество позволяет реализовать такую конstellляцию: массовый террор, массовая пропаганда, массовые убийства, массовые партии, массовая бюрократия и т.д. и т.п. Все массовое, массовое, массовое... Вслед за своими учителями Арендт решительно противопоставляет массовое общество обществу XIX века. Массовое общество — это специфический феномен нашего столетия, а массовость — это понятие, находящееся в избирательном средстве с понятием "тотальность". Вот откуда всеобщность страха, который насаждается и быстро распространяется, всеобщность взаимных доносов. Надо сказать, что понятие "массовое общество" здесь действительно крайне эвристично, оно сразу позволяет охватить феномен тотальности. Хотя есть один вопрос, который остается "за кадром". Почему тоталитаризм победил прежде всего в России, где массовое общество только-только еще наклеивалось, и может, в точном смысле о нем и вовсе нельзя говорить, в Германии, которая тоже явно в этом плане не лидировала, а не в Соединенных Штатах, где такое общество уже развернулось? Это вопрос отдельного обсуждения.

Если обратиться к характеристике элементов тоталитаризма, то можно остановиться на феномене антисемитизма. Арендт рассматривает антисемитизм как один из важнейших элементов тоталитарного господства и приводит пример романтического революционера-антисемита Карла Маркса, который написал статьи по еврейскому вопросу. Арендт не боится сказать, что это антисемитизм. Но антисемитизм XIX века, не предполагавший тотальности, геноцида, машины, которая день за днем систематически осуществляет уничтожение людей определенной расы.

Это обстоятельство и дает ей возможность говорить о двуликости элементов тоталитаризма, о том, что каждый элемент, который сводится к каким-то его историческим прецедентам, может рассматриваться как нечто похожее. С другой стороны, анализ того, как данный элемент присутствует в этой конstellляции, показывает, что такое сведение нерелевантно, не исторично и не теоретично, что оно вступает в противоречие с самим понятием "тоталитаризм".

Или взять такой элемент тоталитаризма, как террор — одно дело террор как феномен, все время сопровождавший исторические события, и совсем другое — тотальный террор. Задача последнего совсем иная. В истории террор использовался для того, чтобы победить и уничтожить врага, иногда он устанавливался на длительный период, например, якобинская диктатура, однако он не носил тотального характера. Но главное здесь то, что террор выступает в системе тоталитаризма безотносительно к реальному врагу. Это способ не только завоевать господство, но поддерживать его, делать господство перманентным. И, стало быть, функция врага здесь совершенно иная. Враг побежден, что дальше? Врага надо создать. Победили одного, создаем другого. Покончили с классом буржуев и помещиков, приступили к классу кулаков, потом борьба с двурушниками, потом ищем шпионов, а в конце концов евреев-отравителей. И переходим от классового принципа геноцида к национальному, с чего начал Гитлер, а Сталин кончил. Тоталитаризм нуждается во враге, он создает его искусственно, потому что иначе

невозможно создание ситуаций ЧП, в которых тоталитаризм только и может существовать. Но если это так, то возникает проблема, открывающая книгу Арендт: проблема без вины виноватых жертв тоталитарного режима. Это очень хорошо видно на примере советского тоталитаризма. Сотни тысяч писем Сталину — я ни в чем не виноват, я все время только кричал "Да здравствует", за что меня, может, кто другой... Многие из тех, кто участвовал в одной волне террора, накрывались другой волной, потому что массовому террору нужен массовый враг, а не единичный. Складывается фантастическая ситуация: социальная система создает "идеологему", мифологему массового врага, чтобы уничтожить часть собственного населения. На эту ситуацию особенно хорошо ложится теория, против которой Арендт решительно выступает, — "теория козла отпущения". Рассуждая уже не в духе Хайдеггера, а в духе Ясперса, точнее, его знаменитой книги 1949 года о вине немцев, она говорит, что мифологема "козла отпущения" не верна, поскольку автоматически противопоставляет две вещи: метафизическую вину и столь же метафизическую невинность. Надо отдать должное мужеству Арендт, когда она заявляет: несчастья, выпавшие на долю евреев в фашистской Германии и в других странах, не дают основания говорить об их абсолютной невинности вообще. Утверждая, что абсолютно невинных людей вообще нет, Арендт встает на чисто историческую почву. Исторически все люди так или иначе виноваты, и даже факт геноцида не является доказательством того, что есть какая-то группа людей, которую характеризует абсолютная невинность. Этот вывод дался ей нелегко, и тем не менее, в каждом новом издании она продолжала настаивать именно на таком понимании проблемы вины.

О двуликости элементов тоталитаризма свидетельствует и феномен партийности. По мнению автора, XIX век — это классический век партий, сформировавшихся по классовому признаку, так или иначе выражавших классовые интересы. Но, начиная с XX века, на смену им приходит то, что Арендт называет движениями... Кроме одной ветви социал-демократии — ленинско-большевистской партии нового типа — все остальные вели борьбу за определенное место в управлении государством. Возникает идея сверхпартии, идея движения, которое, как например, у Муссолини, не хочет быть первой государственной партией, а стремится иметь государство в качестве своего слуги и инструмента. Прежние локальные партии хиреют, хотя и могут оставаться под разными названиями, но если брать период, увенчавшийся тоталитарными режимами (и марксистская большевистская партия здесь не исключение), партии становятся движениями, которые уже не руководствуются интересами какой-либо одной социальной группы. Превыше всего для них воля к ничем не ограниченной власти. Принцип ницшеанской воли к власти у Ленина и у Гитлера оказывается решающим.

(Я говорю о Ленине и о Сталине, но Арендт их противопоставляет, проявляя по отношению к первому то, что он сам назвал бы "небольшевистской слабостью".)

Итак, Арендт предлагает такую схему тоталитарных режимов XX века: массовое движение — тоталитарный вождь. Вспомните знаменитый пропагандистский немецкий фильм "Триумф воли", где с одной стороны стоит Гитлер, а с другой — огромные массы и никаких посредников. Энтузиазм масс и харизма Гитлера. Этого достаточно, но для элиты есть еще одно соединительное звено — "идеологика". Логика идеи, суть которой формулируется следующим образом: Сталин и Гитлер уничтожали своих противников, говоря, что те не обладают, по словам Сталина, "железной логикой" или, по словам Гитлера, "ледяной логикой". Раз какой-то класс признан уходящим со сцены, а какой-то этнос — вредным, неприспособленным, их надо убивать. Но в придании этой идеологии слишком большого значения в качестве промежуточного звена между вождем и массой, мне кажется, и был определенный недостаток построений Арендт. Из поля ее зрения выпало то, что было в центре внимания другого автора Альфреда Вебера, написавшего в 1953 году книгу "Третий или четвертый человек", где главное посредствующее звено тоталитаризма выводится из бюрократии.

Бюрократия как организационный принцип тоталитаризма действительно соединяет массу и вождя, создавая железный каркас единого тоталитарного режима. У Арендт мы этого не найдем, потому что она вместе с Ясперсом исходила из традиционного понимания новой бюрократии XX века как рациональной. Это и есть тот самый момент, который, на мой взгляд, требует определенного продумывания, потому что судьба тоталитарной бюрократии в посттоталитарный период во многом определяла нашу историю после 1953 года и определяет ее по сей день. Речь идет о новом типе бюрократии, формой перерождения и приспособления которой к новой ситуации является сегодня приватизация государственной власти, административных функций. Этот феномен пострашнее, чем "Фауст" Гете.

А.Д.Ковалев. Как уже разъяснил Ю.Н.Давыдов, сущность тоталитарной формы правления по Арендт — это массовый террор при массовой же поддержке режима и тоталитарного вождя в атмосфере всеобщего страха. С таких позиций имеет смысл говорить только о двух (германском и российском) вполне развитых режимах, начавших распадаться сразу после смерти, соответственно, Гитлера и Сталина. К продуктам этого распада и внешне похожим явлениям (исторически предшествующим и позднейшим) следует прилагать традиционные и достаточно ясные понятия "деспотия", "однопартийная диктатура" и т.п., но не понятие "тоталитаризм".

Одним из опорных столпов всей философско-социологической теории тоталитаризма у Арендт служит понятие "масса", казалось бы, избитое, но, как часто у нее бывает, прибавлением тончайших наблюдений и оттенков превращенное в нечто принципиально новое по сравнению с теми же понятиями в концепциях "массового общества" или "толпы" прошлого и начала нашего века. На чертах новой массы и ее атома — массового человека — стоит остановиться подробнее.

Термин "массы", по Арендт, применим лишь к людям, неспособным объединиться ни в какие организации гражданского общества, основанные на позитивных общих интересах и имеющие конструктивные цели: ни в политические партии, ни в профсоюзы, ни в формирования местного самоуправления. Если и можно говорить о какой-то спонтанной силе, объединяющей массу разрозненных индивидов, то только о своеобразной "отрицательной солидарности", нигилизме по отношению к институтам, лидерам и ценностям (в частности, классическим либеральным понятиям прав человека) европейского общества, существовавшего до Первой мировой войны. Нигилизм как питательная почва тоталитаризма маргинально и потенциально существовал всегда, но лишь в XX веке стал массовым явлением. В нормальном обществе люди организованы не как изолированные индивиды, а через группы, классы, партии и другие формирования гражданского общества. После Первой мировой войны старые классовые и партийные системы во многих европейских странах рухнули, и их общества превратились в бесструктурные массы озлобленных индивидов, состоящих из обломков прежних классов с потерянными, хаотическими ценностными ориентациями. Превращение классов в массы и массовое же крушение авторитета политических институтов создало на Западе условия, сходные с условиями в России, где издавна вне гражданского строя пребывала аморфная масса крестьянства, составляющая потенциальную угрозу и развитию политической демократии.

Тоталитарные движения изначально сделали ставку на испуганного, выбитого из колеи массового человека, которым пренебрегли другие движения и партии как неблагодарным объектом традиционных приемов организации. По мнению Арендт, успехи тоталитаризма в этой среде положили конец иллюзиям европейской демократии, будто большинство населения активно поддерживает, понимает или даже участвует в демократических институтах и политической жизни, а пассивные люди, воздерживающиеся от голосования, не имеют никакого значения. Оказалось, что демократия функционирует по правилам, признаваемым меньшинством, лишь постольку, поскольку "молчаливое большинство" это терпит или к этому равнодушно. В любые

кризисные моменты оно может стать реальным политическим большинством, формально, законно сказать "нет" существующим институтам и, не имея собственных позитивных принципов, отдать симпатии и голоса тоталитарным демагогам, предлагающим простые и понятные ответы на все вопросы.

Формирование особого массового общества как благодатного поля деятельности для тоталитарных режимов в Германии совершилось естественно-историческим путем, в Советском Союзе — в основном усилиями Сталина. Арендт еще отличает "революционную диктатуру" Ленина от тоталитарного режима, созданного Сталиным. Отдавая дань левым симпатиям своей молодости, она полагает, что Ленин в отличие от Сталина был "нормальным" диктатором и крупным государственным деятелем, который сделал попытку построить устойчивое сложноорганизованное и разнообразно дифференцированное общество, превращая в эпоху НЭПа крестьян в собственников, "искусственно изобретая" нации и народности и наделяя их автономией и т.п., только бы избежать бесструктурности и непрочности российского общества. Все эти рожденные революцией самостоятельные образования Сталин уничтожил или оставил от них лишь внешнюю оболочку.

Тоталитаризм стремится овладеть человеком полностью и навсегда и потому ему нужна масса, в которой никогда не может родиться независимая инициатива, даже "ради дела как такового", не может возникнуть какой-либо очаг сопротивления.

Единственным источником всех целей и ценностей, единственной опорой человека массы во враждебном мире должно стать и навсегда остаться тоталитарное движение, представляющее собой массовую организацию разобщенных, отчужденных друг от друга индивидов, всецело зависящих только от движения. В немецком варианте тоталитарный режим управления был подготовлен предшествующим тоталитарным движением, в российском — соответствующая имитация движения была организована искусственно уже после захвата власти большевиками. Поддержанию состояния полной изолированности человеческих особей которые при отсутствии всяких других социальных связей и привязанностей (к семье, друзьям, сослуживцам и т.д.) будут вынуждены черпать чувство прочности своего места в мире единственно из своей прямой или косвенной принадлежности к Движению, членства в Партии и т.п., служит массовый террор. Террор держит Движение в вечном движении. Он не должен знать исключений. Между Вождем как верховным функционером и массой не может быть никаких привилегированных групп, защищенных от террора. Правящая элита, в том числе высшие руководители и организаторы террора, точно так же должны дрожать от страха, как и рядовой человек массы. Для подавления в зародыше внутреннего (духовного и умственного) сопротивления к террору добавляется идеологическая обработка с целью добиться абсолютной логической последовательности в "идеологических вопросах всемирно исторической важности" (иные сознательно устраняются из поля зрения людей) и отучить от настоящего мышления и восприятия конкретных противоречий реальной жизни и истории.

Из-за необходимости поддерживать перманентный массовый террор подлинно тоталитарный режим зависит от масс, от "голового количества подданных настолько, что становится почти невозможным в малых странах (во всяком случае без внешней поддержки), ибо там террор грозит режиму потерей управляемого контингента. Этим Арендт объясняет тот факт, что во внутренней политике германский тоталитаризм уступил российскому в последовательности и безжалостности, ибо даже немецкий народ не был достаточно многочисленным, чтобы вынести на себе последствия этой небывалой формы правления, изобретенной в XX веке. Террор и идеологическое воспитание, по Арендт, — это главные приемы, которые обеспечивают массовую поддержку тоталитарным вождям и режимам до самого их конца.

М.С.Ковалева. Наилучшим, точнейшим и кратчайшим образом высказать свое отношение к обсуждаемой здесь знаменитой книге Арендт позволяет довольно большая

цитата. Вот она. "Если книга, которую автор представляет своим читателям, содержит пусть не им первым изобретенные (много ли изобретешь в наши дни нового, по-настоящему нового!), но по крайней мере им обретенные и усвоенные идеи, с которыми он на протяжении долгих лет сжился словно с неким сокровищем души и сердца, то, будь книга хорошей или дурной, автор в руки читателя отдает частицу своей души...". "Кто вспомнит, как кстати бывала ему в жизни та или иная книга, как кстати бывала даже какая-нибудь отдельная мысль, высказанная в книге, как радовала встреча с живущим далеко, но при том близким по кругу своей деятельности человеком, идущим по тому же следу, по которому идешь и ты сам, или нашедшим еще лучший путь, как нередко даже одна такая встреченная в книге мысль занимает годами ум, развивает и ведет его вперед, — кто вспомнит все это, тот взглянет на писателя не как на поденщика, а как на друга,веряющего даже и не додуманные до конца мысли, чтобы читатель, куда более опытный, думал вместе с ним, завершая и совершенствуя все несовершенное".¹

Эти слова известного немецкого социального мыслителя, высказанные в конце XVIII века, по праву могут быть отнесены к "Истокам тоталитаризма". Автор отдала книге часть своей души и сердца, в ней каждый "читатель найдет кроме колоссального количества фактов, тончайших рассуждений, множества определений те сокровенные мысли, которые занимали или будут занимать его ум и вдохновят на собственные исследования. И все упреки о повторах, упущениях и т.п. хочется нейтрализовать еще одной, на этот раз небольшой, цитатой из Гердера: "Писатель мог заблуждаться, но у тебя есть знания, которых нет, которых не могло быть у писателя, итак, пользуйся тем, что есть у тебя, но снизойди к доброй воле пишущего, не только кори, не только попрекай, но совершенствуй и строй"².

Ученые, отделенные почтенной дистанцией от страхов и мук того времени, могут и должны совершенствоваться и умножать знание, добытое по горячим следам. Ведь Арндт изучала явление тоталитаризма, будучи не просто его современницей, но и лицом пострадавшим.

Описание тоталитарного порядка в книге Арндт приводит к однозначным и печальным выводам о том, что человечество "заражено" парадоксальным стремлением к внедрению Разума, научной рациональности в социальную сферу, тем самым полагая ее улучшать, и в конце концов установить идеальный порядок.

В XX веке человечество получило, наконец, ту необходимую констелляцию обстоятельств, при которой это стремление к правильному всеобщему счастью могло реализоваться. Такой возможностью воспользовалось не одно общество. Анализ конкретных тоталитарных режимов Германии и России убеждает читателя, во-первых, в том, что именно этот тип порядка в наиболее отчетливой форме ставит целью служение избранной идее на рациональной основе, использует обращение к научности, научной обоснованности и непротиворечивости как к конечному, предельному аргументу.

Во-вторых, читатель убеждается, что печальным и единственно реальным результатом такого совершенного с точки зрения технической рациональности порядка может быть только самоуничтожение человека как вершины природного или божественного творения. Под рефрен тотальной пропаганды о высшем счастье через массовый террор и концентрационные лагеря, под постоянным прессом страха человек доводится до состояния абсолютно безликого существа, особи некоего вида, животного с определенным набором рефлексов без малейших возможностей спонтанного самопроявления.

Иными словами, принимаемая в научном сообществе за истину, очищенная от ценностных суждений, беспристрастная очевидность, будучи вынесена за пределы науки в политику, поглощается псевдоценностями тоталитарных вымыслов о светлом будущем

¹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С.7.

² Там же

и используется отнюдь не для рационального умножения доброго начала в обществе, а, напротив, для ничем не ограничиваемого разгула зла.

Все это наводит на мысль, что есть нечто порочное в самом стремлении рационализировать, упорядочить социум. Ведь то, что называют хаосом беспорядочных случайностей, постоянно воспроизводится. Может быть, он более естествен и родствен человеческой природе? Может быть, этот хаос мнимый в том смысле, что внутри него есть свой, заложенный не человеком порядок, своя равнодействующая сила с общей точкой притяжения? Из такого хода рассуждения, вытекающего из онтологических характеристик тоталитарных обществ, данных Арндт, напрашивается вопрос относительно самой социальной науки. Не следует ли ей оставить претензии на производство знаний, которые могут перевернуть, перестроить мир, и кропотливо наблюдать, фиксировать и пытаться понять даже мельчайшие и кажущиеся незначительными случайности социального наличного и прошлого бытия? Что касается сферы управления и общественного мнения, то здесь наука может и должна предупреждать об использовании ее несовершенных предположений во вред человеку и обществу, если таковое намечается. Книга Арндт, кроме всего прочего, является и таким предупреждением.

М.С.ЛИВШИЦ